

Уездные экзамены начались в положенный срок, во второй луне нового года. Местом проведения назначили уездное училище, а надзирать за порядком поручили новому главе Юнчэна. После того как прежнего чиновника под конвоем отправили в столицу, делами уезда временно заправлял советник из ямэня, но вскоре пришёл указ: бывшего судью лишить чина и сослать в Линнань, а на его место назначить другого.

Новый уездный судья в своей парадной мантии выглядел весьма внушительно: строгий взор, властная осанка — само воплощение справедливости и достоинства.

Испытания по «Четверокнижию», «Пятиканонию» и сложению стихов растянулись на пять дней — по одному этапу в день.

Когда ворота заведения распахнулись, стражники зычными голосами призвали учеников к порядку. Учёные мужи, пройдя строгую проверку грамот, хлынули внутрь, разбредаясь по своим тесным кельям согласно распределению.

В отличие от провинциальных или столичных испытаний, на уездном уровне бумагу, тушь и кисти каждый приносил свои. Впрочем, вещи досматривали с особым пристрастием: проверяли не только письменные принадлежности, но и одежду. Если у кого находили шпаргалку — несчастного немедленно выставляли вон, навсегда лишая права участвовать в экзаменах.

Несмотря на суровость наказания, находились те, кто надеялся на авось. Лишь когда нескольких пойманных горе-учеников с позором вывели со двора, над училищем воцарилась гробовая тишина.

Чиновник обвёл собрание холодным взглядом:

— Раздать листы.

Цзи Линьси, получив задание, украдкой покосился на расшитую узорами сичи зелёную мантию уездного судьи, покрепче сжал кисть и, глубоко вздохнув, склонился над столом.

В каллиграфии он был усерден, но лишён того природного таланта, что помогал ему в чтении. Его иероглифы теперь выглядели ровными и аккуратными, однако им всё ещё недоставало истинной силы и изящества мазка. Впрочем, знаний в его голове накопилось предостаточно. Просмотрев первые вопросы, юноша почувствовал, как к нему возвращается уверенность; кисть его запорхала по бумаге, подобно гибкой змее, оставляя за собой стройные ряды знаков.

Экзамен длился пять дней, и почти каждый этап требовал сочинения стихов или од.

Здесь, как и в каллиграфии, крылась слабая сторона Линьси. Опыта в высоком слоге у него

было немного. Ещё в пятнадцать-шестнадцать лет, впервые открыв для себя «фривольные книжицы», он ощутил, будто перед ним распахнулись двери в дивный новый мир. В картинки он не всматривался — во-первых, герои на них не были похожи на него самого, а во-вторых, партнёрам на иллюстрациях далеко было до его идеала.

Читая же сами тексты, Цзи Линьси часто хмурился: многие авторы уделяли слишком много внимания описанию внешности, что отвлекало от сути. Когда же ему удалось выманить приличную сумму у одного богатого юнца и сбежать, он первым делом купил бумагу и кисти, решив, что если хочешь сделать хорошо — сделай сам.

Хоть в голове его и водилось немного «чернил», подлинного литературного дара у Линьси не было. Но это его не смущало: он мастерски владел искусством подражания.

Выбрасывая лишнее и оставляя лишь одну фразу вроде «ликом прекрасен, подобно небожителю или демону», он кроил и перешивал чужие тексты на свой лад. Так на свет рождались повести, которыми он тешил себя долгими вечерами. Чтобы блеснуть талантом, авторы тех книжиц часто вставляли в повествование полные неги стихи — изысканные, пробуждающие воображение. Именно они и стали для него главным образцом для подражания.

Благодаря этим упражнениям он научился если не творить, то хотя бы использовать готовые лекала. Хуай Сююн понимал, что за короткий срок не сделать из ученика великого поэта, а потому заставил его зазубрить сотни классических строк, чтобы развить чувство ритма. Он муштровал подопечного, обучая правильному чередованию тонов и строгому параллелизму, стремясь к тому, чтобы в этой части экзамена Линьси хотя бы не допустил грубых ошибок.

Когда пятый день подошёл к концу, Хуай Сююн вместе с госпожой Ци и детьми уже ждали у ворот училища.

За время, проведённое под одной крышей, Ци Сяньюнь по-настоящему привязалась к Линьси, считая его почти приёмным сыном. Раз уж он зовёт её матушкой-наставницей, то разве она ему не мать в каком-то смысле?

— Для него это первое по-настоящему важное испытание, — волновалась она. — Он наверняка напуган. Когда выйдет, не смей сразу допрашивать его об успехах, не дави на парня.

— Ладно, — буркнул Хуай Сююн, — спрощу за ужином.

Госпожа Ци наградила мужа гневным взглядом, но не успела ответить — ворота распахнулись, и на улицу хлынула шумная толпа.

— Безнадёжный ты человек, — бросила она супругу.

Они подхватили детей на руки, высматривая Линьси в людском потоке. Вскоре он показался — бледный, с печатью глубокой усталости на лице. По его виду невозможно было понять, торжествует он или сокрушён неудачей.

Увидев его в таком состоянии, наставник сам не на шутку разнервничался. Он верил в знания ученика, но боялся, что юноша мог просто не выдержать душевного напряжения. Учитель вспомнил свои первые экзамены в столице: тогда он долго не мог унять дрожь в руках, прежде чем коснуться листа.

А вдруг для Линьси этот уездный отбор стал таким же тяжким испытанием, каким для него когда-то стали столичные экзамены?

— Учитель, матушка-наставница, — Линьси подошёл к ним и учтиво поклонился. — Я закончил.

Сейчас он выглядел как истинный благородный муж: сдержанный, мягкий и благопристойный. Облик, вводивший в заблуждение любого.

Хуай Сююн подавил желание задать заветный вопрос и, сохранив суровость на лице, произнёс:

— Раз закончил, пойдём домой обедать.

Вернувшись в своё скромное жилище, госпожа Ци разлила по чашкам ароматный куриный бульон, томившийся на медленном огне, и велела мужу помогать с готовкой. Линьси тоже хотел было подсобить, но Ци Сяньюнь замахнулась на него поварёшкой:

— Иди во двор, присмотри за детьми. Сегодня и пальцем не пошевелишь, пусть твой учитель потрудится.

Хуай Сююн хотел было возмутиться — где это видано, чтобы наставник хлопотал на кухне, пока ученик отдыхает, — но, встретившись взглядом с женой, тут же сдался.

— Слушайся матушку, — бросил он Линьси. — Ступай к детям.

Юноша послушно кивнул.

Пока на кухне шкворчало и кипело, Хуай Сююн, вынося блюда на стол, выглянул в окно. Ученик сидел на ступенях и из свежих листьев тростника искусно плел травяных стрекоз.

— Вот, держите, — он протянул по игрушке каждому ребёнку.

— Спасибо, братец Линьси!

Линьси подпёр подбородок рукой и, глядя на смеющихся детей, тепло улыбнулся.

Наблюдая за этой сценой, Хуай Сююн невольно растрогался. Столь простая и искренняя картина человеческого тепла заставила его губы дрогнуть в ответной улыбке.

Знай он, какие мысли роятся в этот миг в голове прилежного ученика, он вряд ли нашёл бы повод для умиления.

Ибо Линьси, взирая на детей с кроткой улыбкой, в своём воображении уже вовсю грезил о будущем, точно видел его в чистом зеркале, представляя жизнь с тем прекрасным молодым господином.

Вот они живут в любви и согласии, и его «супруг» уже носит под сердцем их первенца. Пока Линьси стремится к вершинам власти, тот, томясь по мужу, стоит у порога, прижав тонкие пальцы к едва округлившемуся животу. Плод их любви начинает толкаться, и красавец, чуть нахмурившись, шепчет:

«Будь покойнее, дитя, не изводи меня так, как твой беспутный отец»

А когда дети родятся — непременно двое, и чтобы в каждом угадывались черты и отца, и его прекрасной «жены», — он сам будет с ними возиться. В это время «супруг» будет сидеть под карнизом крыши в кресле-качалке, укрывшись тонким мягким одеялом. Один зевок, веера ресниц опускаются — и вот перед Линьси предстаёт дивная картина «весеннего сна красавицы».

Сердце его замирает от нежности, он велит слугам унести детей, а сам подхватывает своего небожителя на руки. Двери закрываются, и начинается череда таких ласк, о которых и говорить не стоит.

— Линьси, иди скорее есть! — голос наставника вырвал его из грёз.

Юноша вытер рукавом губу и разочарованно вздохнул.

«Прекрасный молодой господин — не дева, дитя не выносит. Всё это лишь несбыточные фантазии, рождённые дерзким умом. Жаль, бесконечно жаль»

Но даже так — его тоска и преданность тому человеку ясны, как солнце и луна, и лишь само Небо может быть им свидетелем.

Вспомнив о светилах, Линьси взглянул на небо, где уже бледным призраком проступала луна.

Затем он опустил взгляд на свои грубые одежды и мозолистые ладони.

Луна в облаках всё так же далека. Грязь на земле всё так же низка.

Но кто сказал, что Цзи Линьси вечно будет топтать придорожную пыль, не в силах дотянуться до небесного сияния?

Отряхнув полы платья и окончательно придя в себя, воспрянувший духом Линьси вошёл в дом. Зная его недюжинный аппетит, госпожа Ци поставила перед ним огромную чашу, доверху наполненную рисом.

Золотистый куриный бульон, с которого сняли лишний жир, был прозрачен и невероятно ароматен. Для юноши, если не считать тех нескольких дней в поместье Ван, эта трапеза была подобна пиршеству богов.

Он уплетал рис, закусывая нежным мясом и овощами, и лишь когда со второй чашей было покончено, Хуай Сююн решился спросить. Голос его звучал осторожно:

— Как думаешь... каковы твои успехи на экзамене?

— Кхм, — учитель тут же прочистил горло, стараясь скрыть волнение. — Впрочем, если не пройдёшь — не беда. Ты только начал учиться, неудача была бы естественной. Не кори себя, ты ещё молод, времени впереди предостаточно. Путь к чинам тернист, иные и до седых волос ходят в кандидатах.

Линьси отложил палочки:

— Учитель, полагаю, всё прошло успешно.

— Ты уверен?

Юноша кивнул.

— Совсем никаких сомнений?

Видя, что наставник и его жена искренне переживают за него, Линьси ответил честно:

— Вашему ученику задания показались весьма простыми. В том, что я выдержу уездный отбор, сомнений нет.

Хуай Сююн верил ему, но, едва в его глазах вспыхнула радость, он вновь напустил на себя строгость:

— Ты слишком самонадеян. А что, если провалишься? Пока результаты не объявят, и слова об этом никому не говори. В делах и мыслях нужно блюсти скромность.

Линьси, разумеется, это понимал. Не желая спорить, он лишь почтительно склонил голову:

— Ученик запомнит ваши слова.

Результатов пришлось ждать целый месяц. Наступила третья луна, зацвели персики и груши. В день оглашения списков, ещё до рассвета, у стен ямэня собралась огромная толпа.

Все ученики, участвовавшие в экзамене, сгорали от нетерпения. Впрочем, стражники не спешили выходить, и доска объявлений стояла пустой.

— Да когда же они появятся?

— Всего лишь уездный уровень, а вы дрожите как осиновые листья. С такой выдержкой вам и провинциальный отбор не по зубам.

— Хе, почтенный брат, раз вы так полны терпения, что же вы стоите здесь в такой час вместе с нами?

— Ты!..

Среди этого шума и суеты Линьси сидел на корточках в углу у ступеней, сосредоточенно уплетая горячие паровые булочки. Он походил скорее на случайного прохожего, чем на ученика, чья судьба сейчас решалась за этими дверями.

Кто-то из соучеников по академии заметил его и толкнул соседа:

— Гляди, это же тот выскочка, ученик учителя Хуая.

— Стоит в стороне... Небось понимает, что надежды нет. Пришёл для вида, чтобы было что учителю сказать.

— Никогда не забуду его «третий разряд» в начале года. Если он пройдёт — я собачье дерьмо съем.

Скрип — засов с обратной стороны ворот лязгнул, и тяжёлые створки начали медленно расходиться.

— Идут! Идут!

— Сам уездный судья пришёл объявить результаты!

— Только бы пройти, Небо, только бы пройти... Не хочу ждать ещё раз!

Услышав движение, Линьси тут же вскочил, вытер руки и оправил одежду. Он принял вид благородного мужа, но, решив, что этого мало, прищурился, вспоминая повадки прекрасного принца и наследника Яня. Когда он вновь открыл глаза, в его облике проступила едва уловимая печать величия.

Пусть до истинной знати ему было далеко, но простого люда этого хватило бы, чтобы оторопеть. Скрыв волнение, он отошёл в сторону.

Чиновник вышел в окружении стражи. В кольце своих подчинённых он выглядел по-настоящему грозно. Увидев столпившихся людей, он нахмурился и сурово прикрикнул:

— А ну, расступитесь! Если из-за вашей толкотни мы упустим благоприятный час для оглашения имён — кто ответит за это перед законом?

Для обычных книжников окрик властей действовал куда сильнее вежливых просьб. Ученики попятились, освобождая широкий проход.

Уездный судья, смягчившись, повёл стражников к доске. Одни несли рулоны красного шёлка с именами счастливых, другие — доску. Когда последний стражник спускался со ступеней, зоркий Линьси пристроился следом.

Тот почувствовал за спиной чьё-то присутствие и хотел было обругать наглеца, но, увидев перед собой статного красавца с необычайно властным взглядом, засомневался. Не зная, кто перед ним, и боясь навлечь на себя беду, стражник просто отвернулся, сделав вид, что ничего не заметил.

Так Линьси проскользнул сквозь толпу и, когда люди вновь бросились к спискам, он уже оказался в первом ряду.

Служители установили доску и, смазав её густым клейстером, аккуратно развернули алый шёлк.

Уездный судья обернулся к застывшим в ожидании людям:

— Те, кто обрёл своё имя в этом списке, должны трудиться ещё усердней. Не смейте расслабляться, ибо уездный экзамен — лишь первый шаг. Впереди у вас провинциальные, столичные и дворцовые испытания.

— Те же, кто не нашёл себя здесь — не отчаивайтесь. Будет следующий раз. Возвращайтесь к книгам, и судьба вознаградит ваше упорство.

— Вы годы провели в учении. Желая вам в будущем достичь высот, служить народу и быть опорой государству.

Закончив напутствие, судья удалился. Толпа, сдерживаемая до этого лишь страхом, мгновенно взорвалась криками и толчеёй.

Одни лезли вперёд, требуя уступить дорогу, другие ругались, стараясь удержать место. Кто-то, внезапно увидев своё имя, кричал от восторга, но его тут же отпихивали в сторону. Кто-то, не выдержав давки, решал дожидаться, пока народ разойдётся.

Но Линьси не уступал ни пяди.

Он стоял в самомпереди, медленно ведя взглядом по строчкам. Его толкали в спину, пихали локтями, но юноша стоял не шелохнувшись, точно вкопанный.

Линьси втайне ликовал.

«Шутки шутками, но если бы меня так легко оттеснили, как бы я стал мужем прекрасного молодого господина? Красавцы достаются лишь сильным, а сильный должен быть крепок во всём, и тело его должно быть стальным»

Он не зря каждое утро не только читал книги, но и тренировался.

Тощие, бледные книжники не могли сравниться с ним силой. Видя, что он стоит впереди слишком долго, кто-то из них язвительно бросил:

— Эй, почтенный брат, ты уже вечность смотришь и явно не можешь найти себя. Неужто провалился? Так отойди, не занимай место!

Эти слова задели Линьси за живое.

Хоть он и был уверен в себе, но, не находя своего имени так долго, начал втайне паниковать. Смерив наглеца мрачным взглядом, он продолжил искать. И, наконец, наткнулся на заветные знаки.

□Цзи Линьси□

Прошёл! Истинная правда — прошёл!

Сердце его забилося чаще, и на лице расцвела торжествующая улыбка.

Он не сдержал смешка и обернулся к тому самому книжнику, который всё ещё пытался разглядеть хоть что-то, стоя на цыпочках. С видом величайшего добродушия Линьси спросил:

— Почтенный брат, я своё имя уже нашёл. Может, подсобить тебе в поисках?

Тот обрадовался и поспешно назвался:

— Меня зовут Цзэн Лянь. Прости мне мою резкость, младший брат, ты доброй души человек. Буду премного благодарен!

— Пустяки, мы ведь все соратники на пути к знаниям. Помочь — святое дело.

Линьси с напускной серьёзностью долго вглядывался в список под нетерпеливым взглядом Цзэн Ляня. Наконец он прикрыл рот рукой и с притворным изумлением воскликнул:

— Ой, беда, брат Цзэн Лянь! На этом шёлке есть Ван Лянь, Ли Лянь, Чжао Лянь и даже Чжу Лянь, а вот никакого Цзэн Ляня и в помине нет!

Тот замер, а затем его лицо стало багровым:

— Ты!.. Ты!..

Он понял, что над ним просто поиздевались.

Линьси одарил его презрительным взглядом. Он никогда не скрывал, что он человек мстительный и мелочный. Ну и что с того? Тем более что имени Цзэн Ляня в списке и вправду не было.

Усмехнувшись, он выбрался из толпы, похлопал по груди, где лежали припрятанные деньги, и отправился за покупками. Нужно купить мяса, овощей и сладостей, чтобы порадовать учителя Хуая и матушку-наставницу доброй вестью.

Столица.

Получив приказ разузнать о Чу Си, Юньшэн немедленно отправил своих людей. Он помнил этого человека — тот оборванец, которого телохранитель встретил в поместье Ван, когда тот валялся в пыли. Из милости принц даровал ему доброе имя и позволил учиться в уездном училище.

Юньшэн не знал о тех дерзостях, что Линьси позволил себе в отношении Его Высочества, и сохранил о нём неплохое впечатление как о человеке, который помог принцу.

По памяти он набросал портрет и велел слугам отправиться в Юнчэн. Вспомнив наставления Чу Юя, он добавил:

— Оставайтесь там до объявления результатов уездных экзаменов. Посмотрите, есть ли в списках имя Чу Си. С любыми вестями — сразу ко мне.

Спустя время гонец вернулся в столицу.

Услышав, что имени Чу Си в списках нет, Юньшэн не особо удивился. Но следующее известие заставило его нахмуриться:

— Ты хочешь сказать, что человека по имени Чу Си в Юнчэне больше нет?

— Истинно так, господин Юнь.

— Я искал не только в Юнчэне, но и в соседних уездах. Ни в училищах, ни в частных академиях нет записей о Чу Си, и никто не признал в нём человека с портрета.

— Я расспрашивал людей: этот человек мелькнул в городе лишь в конце прошлого года. Согласно сведениям, это был какой-то бродячий плут без роду и племени. После отъезда Его Высочества он словно сквозь землю провалился.

Юньшэн нахмурился:

— А советник из префектуры Цзинчжоу? Ты спрашивал его?

Гонец замялся:

— Этого... я не сделал.

— Моя вина, — вздохнул Юньшэн.

Он велел искать по портрету и имени, забыв упомянуть, что последним пристанищем Чу Си был ямэнь префекта. Он полагал, что раз принц даровал тому статус свободного подданного, найти его по бумагам будет проще простого. А теперь выходило, что человек этот попросту «исчез».

— Ступай, — велел он слуге.

Он направился в Восточный дворец и, дождавшись, пока евнух Чэнь доложит о нём, вошёл в покои. Чэнь Дэшунь, зная порядки, увёл остальных слуг.

Зима миновала, воздух наполнялся весенней прохладой, и во дворце уже не топили печи.

Чу Юй в серебристо-белой мантии полулежал на тахте с книгой в руках. Половина его чёрных волос была собрана в серебряный венец, другая — волнами рассыпалась по плечам, касаясь тонкой ткани на груди. Мягкий солнечный свет падал на его лицо, очерчивая благородный профиль золотистым сиянием.

Юньшэн опустился на колени и передал всё, что удалось узнать в Юнчэне. Помедлив, он спросил:

— Ваше Высочество, прикажете отправить людей на повторные поиски?

— Не нужно, — Чу Юй лениво зевнул.

В тот день он велел искать Чу Си лишь по прихоти. Будь у него другое настроение, он, возможно, и вовсе не вспомнил бы о нём.

— Раз его не могут найти по портрету, значит, он давно покинул те края.

Помолчав, Чу Юй спросил:

— И в списках сдавших экзамен действительно нет имени Чу Си?

Юньшэн удивлённо поднял взгляд, но тут же склонил голову:

— Мой человек клянётся, что проверил списки трижды. Такого имени там нет.

— Нет, значит...

Пока Чу Юй размышлял, за дверью раздался голос евнуха Чэня:

— Ваше Высочество, Шестой принц прислал слугу. Его Высочество приглашает вас вместе полюбоваться певчими птицами.

Юньшэн не видел лица господина, лишь услышал спокойный приказ:

— Можешь идти, Юньшэн.

— Слушаюсь, Ваше Высочество.

<http://bllate.org/book/15344/1411904>